

Театральные наброски.

2. *Магазир*

Большинство пьесъ современнаго репертуара, поставленныхъ впродолженіе настоящаго сезона, красно-рѣчивѣйшимъ образомъ доказали полнѣйшее отсутствіе талантливыхъ драматурговъ. Жалкая мысль, сразу обличающая посредственность, небрежная и поверхностная обрисовка дѣйствующихъ лицъ, доказывающая самое недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, въ которомъ преслѣдуется лишь визкопробная цѣль, какъ можно скорѣе сбыть свое мертворожденное дѣтище на сцену и заполучить желанный гонораръ—вѣнецъ всѣхъ мечтаній современнаго драмодѣловъ—вотъ приближительноя характеристика нашего современнаго драматическаго творчества. Если въ нашей изящной литературѣ полнѣйшій застой по беллетристикѣ, то по драматургіи—уже не застой, а нѣчто еще худшее, какая-то макулатура, которая ни въ какое другое время не могла-бы найти себѣ мѣста ни на страницахъ журнала, ни, тѣмъ болѣе, на сценѣ. Впрочемъ журналы, болѣе серьезные и заслуживающіе особаго

уваженія уже давно закрыли свои страницы для этой поддопочной литературы и весьма печально, что того-же самого не дѣлаютъ и наши театры. Такого рода драматургія не только совершенно убиваетъ даже и яркіе проблески таланта у актера, но вліяетъ деморализующимъ образомъ на публику, приучая ее къ пустому, бессмысленному зубоскальству, лишая ее эстетическаго, художественнаго развитія... Плоды такой драматургіи сказались очень скоро и въ весьма удручающей формѣ. Публика совершенно разучилась слушать хорошія пьесы, боится мало мальскія серьезной мысли, какъ огня и съ восторгомъ слушаетъ всякую дребедень, растянутую на нѣсколько актовъ.

Быть актеромъ при такихъ условіяхъ и очень трудно, и очень легко въ одно и то же время.

Трудно потому, что актеръ, имѣющій дарованіе, долженъ просто умереть съ тоски, тратя свои способности и талантъ на передачу бессмысленныхъ фразъ, когда онъ могъ-бы приносить носильную пользу изображеніемъ свѣтлыхъ образовъ, уносящихъ зрителя въ высъ недостижимыхъ идеаловъ, или-же изображеніемъ человѣческой грязи и злобы, вывернувъ ихъ предъ зрителемъ во всей ихъ наготѣ, заставляющей возненавидѣть все пошлое и мерзкое!..

Очень легко быть актеромъ потому, что для изображенія бессмыслицы не нужно имѣть ни дарованія, ни званія, ничего кромѣ той-же пустоты, какая проповѣдуется въ самихъ-же пьесахъ. Можно играть какъ угодно скверно, можно не знать роли, можно не умѣть ступить по сценѣ, за это никто не взыщетъ, потому что публикѣ современнаго репертуара нѣтъ никакого дѣла до игры артистовъ, до ихъ талантовъ. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Чѣмъ глупѣе, тѣмъ смѣшнѣе. Чѣмъ бездарнѣе актеръ, тѣмъ веселѣе его смотрѣть, потому что смѣшно современной публикѣ до слезъ, когда театръ превращается въ балаганъ, когда художественная игра замѣняется фиглярствомъ.

Если добросовѣстному артисту представляется наконецъ возможность выступить въ серьезной пьесѣ, какое это счастье для него, какой праздникъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой ужасъ, и страхъ долженъ онъ испытывать переходя вдругъ, отъ какогонибудь фарса къ „Плодамъ Просвѣщенія“ напримѣръ. Эта пьеса идетъ у насъ кажется на этой недѣлѣ. О предстоящей постановкѣ уже теперь только и толкуютъ въ городѣ. Какъ не толковать? Пьеса приобрѣла всемирную извѣстность, какъ и ея гениальный авторъ. Пьеса произвела цѣлую бурю въ литературѣ. Какъ не любопытствовать, что это въ самомъ дѣлѣ за чудо такое „Плоды Просвѣщенія“. Самособою театръ будетъ переполненъ во всѣ представленія этой пьесы. Но я хотѣлъ бы знать, влечетъ-ли нашу публику одно лишь любопытство увидѣть наконецъ сенсационную повинку, до сего времени запрещенную къ постановкѣ, или-же она идетъ, чтобы увидѣть ужасную картину разложенія современнаго общества, картину мрачную, потрясающую. Идетъ-ли она посмотрѣть самихъ себя въ этомъ великолѣпномъ зеркалѣ, отражающемъ всю пустоту, тупость, даже дикость просвѣщеннаго общества, и ужаснется-ли увидѣвъ чудовищное изображеніе, или удовлетворивъ любопытство съ убійственнымъ равнодушіемъ перейдетъ вновь къ тѣмъ-же проявленіямъ равнодушія ко всему высшему, идеальному?... Вотъ что я хотѣлъ-бы знать.

А какая это ужасная картина, я вамъ скажу! Какой ужасъ она должна вызвать во всякомъ человѣкѣ, еще не потерявшемъ окончательно искры Божіей? Впрочемъ, что-же я? Я требую невозможнаго. Вѣдь, если въ насъ долженъ вызвать ужасъ только видъ этой мрачной картины, то что-же мы должны были бы испытывать наблюдая всѣ эти ужасы въ дѣйствительности? А ихъ не искуать стать. Возьмемъ, хоть недавній бенефисъ *1-жи Сулимовой*. Развѣ это не ужасъ? Развѣ не отвратительно это пошлое, глупое издѣвательство?..

Надо вамъ сказать, что въ труппѣ г. Любова имѣется артистка *Сулимова*, которая попала на сцену вѣроятно по какомунибудь несчастному недоразумѣнію. Ампула ея—вторые *ingenue*. Но къ большому прискорбію артистки, и къ вѣщному удовольствію извѣстной части публики, артистка совершенно не имѣетъ понятія о сценѣ. О талантѣ и говорить нечего, его конечно нѣтъ и помину, нѣтъ даже голоса!... Съ первыхъ спектаклей *1-жи Сулимова* оказалась совсѣмъ не подходящей къ предложенному ея ампула. Ея появленіе на сценѣ вызывало смѣхъ. Это было очень грустно, и *1-жу Сулимову* можно было только пожалѣть и пожелать какъ мож-

во скорѣе оставить сцену, такъ какъ ясно, что въ нея даже и посредственности никогда не выйдетъ. Тѣмъ не менѣе у артистки оказался бенефисъ, —и по моему это дурная манера давать бенефисы даже и самымъ незначительнымъ артистамъ, хотя-бы и добросовѣстно несущимъ свои обязанности, но тѣмъ не менѣе, на вниманіе публики не могущимъ рассчитывать.—Но пусть такъ, у артистовъ свои порядки, пусть они имѣютъ свои бенефисы, но зачѣмъ-же господа подвергать все таки труженника, хотя и неудачника, позорному осмѣянію. Для *1-жи Сулимовой* придумали особаго рода демонстрацію. Театръ былъ совершенно пустъ, что-то около 60-ти руб. сбора — и вотъ артистку встрѣтили съ гомерическимъ смѣхомъ и аплодисментами, поднесли ей букетъ и осыпали билетиками, на которыхъ выражался привѣтъ „симпатичной и талантливой артистки“. Что-же это такое господа?? Шутка, издѣвательство надъ живымъ человѣкомъ только за то, что онъ попалъ по какому-нибудь печальному недоразумѣнію на сцену?..

Или-же это не шутка, а въ серьезъ? Тогда... тогда во что-же вы превращаете, господа, театръ,—какъ ни какъ, хотя и оплеваный уже, а все таки храмъ Меньшомышл.. Вѣдь—это же ужасно, также ужасно какъ и то, что вы увидите въ „Плодахъ Просвѣщенія“.

Пощадите!..

Авг-Буки.